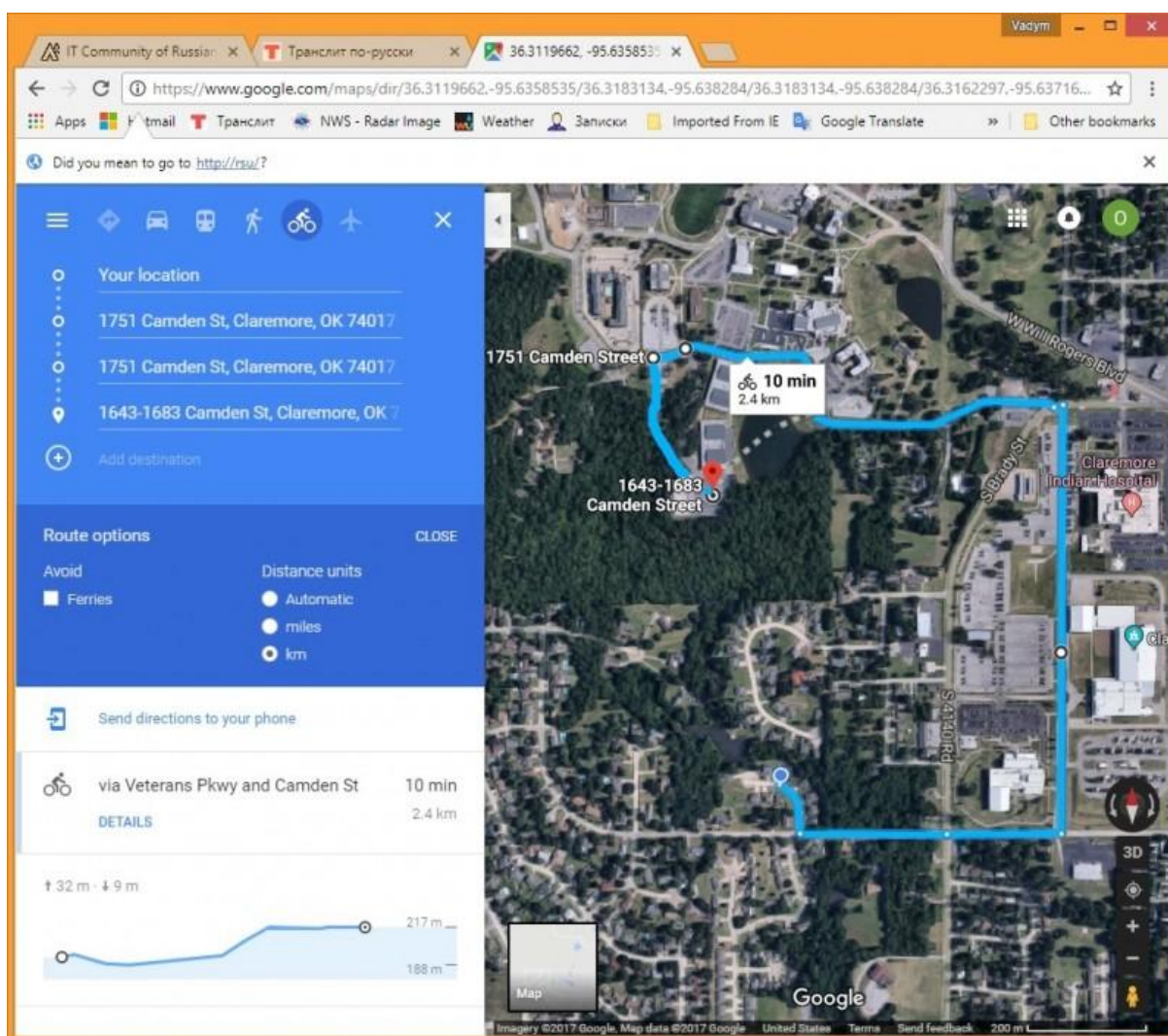

Как я в американском университете категории IIВ до пенсии работал

Я работал в этом вузе с 2006 по 2013 год на постоянной основе, а затем, по завершению контракта, понемногу подрабатывал почасовиком ещё три семестра, чтобы накопить 10-летний стаж для американской федеральной трудовой пенсии Social Security. Мне её назначили в конце 2015 года в размере \$960 -- с учётом вычета \$90, т.е. половины получаемой мною небольшой канадской федеральной трудовой пенсии CPP за 7 лет работы в Канаде. Таковы правила, установленные соглашением между США и Канадой. В Штатах трудовые пенсии выше, чем в Канаде, но зато канадцы после 65 лет дополнительно получают холявную социальную пенсию OAS, которой в Штатах нет. Когда я вернусь в Канаду, то тоже смогу получать OAS, хотя и не в полном размере. Если бы я оставался в Канаде, работая профессором, то заработал бы суммарную пенсию раза в полтора меньше. Так уж получилось, что из-за закрытия своей должности в Канаде я ничего не потерял в заработке и ещё был вознаграждён повышенной пенсией. Это было везение, а не результат планирования.

После переезда из Ванкувера в Оклахому место для строительства нашего дома мы специально выбрали неподалёку от университетского кампуса: 2300 метров от дверей до дверей, или 8 минут езды на велосипеде. При подъезде к кампусу приходилось преодолевать неприятный подъём; я к этому относился как приёму горького лекарства от инфаркта. Близость к месту работы избавила от нужды покупать для себя отдельный автомобиль. Вторая машина был приобретена для нашей повзрослевшей дочери. Она же эту машину и разбила. Не сразу, а с третьей попытки -- до полного списания в хлам, но не совсем вдребезги и к счастью для дочери и окружающих в той аварии никто не пострадал, кроме нашего бюджета. Но несильно -- благодаря страховке. Близость к месту работы долгое время, пока жил в Харькове, для меня было неосуществимой мечтой. На закате карьеры эта мечта сбылась. Точнее - я её осуществил.

Категория моего вуза IIB означает, что он имеет академические программы в основном на уровне бакалавра. Программ выше этого уровня не было вообще, но всё равно его величали "университетом" (точнее -- regional university). Из полутора десятка вузов, называемых в штате Оклахома университетами, я бы поставил его на 12 месте. То есть вуз был маргинальным, но находился не на самом дне. Зарплаты в нём были довольно низкими, но в отличие от других вузов, мой работодатель делал необычно большие взносы сразу в два накопительных пенсионных фонда. Поэтому только из этих фондов за семь лет работы сейчас я получаю дополнительную пенсию \$1550 в месяц (всего у меня семь пенсий, чему я очень рад). При приёме на работу в ранге Associate Professor в 2006 году мне назначили зарплату в полтора раза выше, чем в этом вузе платили полному профессору. И ещё моей жене по моей просьбе дали работу преподавателя-почасовика (Adjunct), а нашу дочь освободили от платы за обучение в этом вузе. Что мне тоже грело душу, так как моя зарплата оказалась вполне на уровне Associate Professor в приличных университетах и осталась на том же уровне, что я имел в Канаде. На большее с моим более чем странным для Америки бэкграундом трудно было рассчитывать. Через год работы на птичьих правах моя жена стала преподавать в этом вузе на постоянной основе и сейчас она трудится в ранге Assistant Professor. Поэтому студенты её величают "профессор" (как принято в Америке), хотя её должность соответствует рангу доцента, который она имела на Украине. Она горда своим нынешним положением и тоже заработает неплохую дополнительную пенсию.

Работая в этом говённыйком университете, я не успевал приходить в себя от частого отдыха. Нечто вроде: "Мёртвый час. Тихий час. Отдых после сна" -- из мультфильма "Спортландия" (видео внизу, см. после t=8:00). Гнилое болото, тихое и спокойное. Никто ни к чему новому не стремился и ничего не хотел менять к лучшему. В отличие от бизнесов и правительственных организаций, на любой праздник университет закрывался на один день раньше, чтобы студенты успевали уехать к своим родителям. Иначе всё равно бы они разбежались. Это хорошая иллюстрация того, что правила и законы должны отражать действительность. Впрочем, мне (как и всем моим коллегам) этот подход очень нравился. Хотя иногда я вспоминал о том, что всё-таки надо как-то заботиться о качестве обучения своих балбесов. Но не слишком сильно переживал по этому поводу.

Расслабон на моей работе был не только в праздники, но и в будни. Выполняя до 3/4 своей учебной нагрузки в онлайн (всего 4 класса в семестр по три академических часа в неделю при среднем размере класса 12-15 студентов) сидя с кружкой пива в руках перед компьютером, я раздавал в онлайн-приложении пинки нерадивым студентам. Благодаря правильной организации процесса, мои студенты учились сами и друг у друга, мало доставляя забот мне самому. Впрочем, наладить это удалось не сразу, а по мере накопления опыта. В первые три года я получал замечания от декана, которому на меня нередко жаловались наиболее тупые студенты. Потом жалобы прекратились, хотя я стал прилагать меньше усилий на работе. Я научился заставлять студентов учиться самостоятельно и даже получать от этого удовольствие. Это называется Active Learning. Не помню, чтобы в СССР этот принцип использовался на практике и, быть может, он даже вообще не был известен и теоретикам советской высшей школы.

Когда я в поте лица (от выпитого пива) обучал своих студентов, меня особенно заботил перерыв на День Благодарения (Thanksgiving) буквально за неделю до окончания осеннего семестра, когда все студенты вроде бы должны стоять раком, из последних сил карабкаясь к оценке хотя бы "удовлетворительно". Вместо этого они получали 4-дневный "Отдых после сна" прямо накануне семестровых экзаменов. Соответственно расслаблялись и профессора -- вместе с вспомогательным персоналом. Довольны были ВСЕ (кроме тех, кого заботило качество обучения). Поскольку в Канаде этот праздник отмечают в октябре, такого расслабона там не бывает. В этом состоит одно из отличий канадской системы высшего образования.

Занятие наукой... В моём вузе это была имитация. Реально научная работа не требовалась. Но я был одним из трёх избранных профессоров (Endowed Chair), которым на науку отстёгивали \$13,000 в год. Половину в виде дополнительной зарплаты и половину -- нет, не на что угодно (что меня сильно возмутило, когда я не смог нанять студента-ассистента). Эти деньги я мог потратить только на посещение научных конференций и покупку компьютерного оборудования. Поэтому каждые два года я покупал себе новый лэптоп (в том числе крутой Alienware 17"), а остальное тратил на поездки. Посетил несколько интересных мест (у организаторов конференций, особенно никудышных, хороший вкус). Справедливости ради сообщу, что на каждую научную конференцию я представлял по ДВА доклада. Хотя не был обязан вообще представлять что-либо, потому что никакого контроля не было.

Также в летнее время желающие преподаватели ездили на тренинги по германской технологии SAP. За участие в четырёхдневном семинаре где-нибудь в Висконсине, Техасе, Калифорнии или Квебеке нам платили командировочные и ещё по \$1000 за то, что мы якобы использовали время своего летнего отпуска (хотя никто заявления об отпуске не подавал). Абсурд дошёл до того, что я съездил вместе со своей женой на тренинг в Чикаго и Милуоки в июне 2013 -- за один месяц до своего увольнения в связи с окончанием контракта. Холява, сэр. Моя жена продолжает работать и 1-2 раза в год ездит в аналогичные командировки, знакомясь с новинками от фирмы Майкрософт и обучающими компьютерными программами, поддерживающими освоение продуктов этой компании студентами.

Наша работа заканчивалась в первой декаде мая и возобновлялась во второй декаде августа. В промежутке (три месяца с хвостиком) полагался один месяц отпуска, но отпуск никак оформлять не требовалось и явка на работу тоже не была предусмотрена. То есть вполне законно было отдыхать три месяца с сохранением полной зарплаты. Те из преподавателей, кто хотел заработать лишние гроши, преподавали курсы в течение двухмесячного летнего семестра (\$2000 за курс, максимум три курса). Из-за короткого семестра занятия проводились с удвоенной частотой. Поэтому три курса -- это было на пределе человеческих возможностей.

Я ни разу не марался такой чёрной работой, всё лето наслаждаясь "отдыхом после сна" и посещением научных конференций в Европе и тренингов в Штатах и Канаде. Считал это справедливой компенсацией накануне выхода на пенсию за мои моральные страдания, вызванные проигрышем СССР в Холодной войне.

В общем, на закате своей карьеры я хорошо отдыхал, выполняя работу преподавателя маргинального вуза. Но в исследовательских университетах действительно надо вкалывать. Потому что у научной работы не бывает конца кроме собственного изнеможения.